
СБОРНИК
РАССКАЗОВ
НЕ ПО ШАБЛОНУ
НИКА СВЕТЛОВА

Ника Светлова

Сборник рассказов
НЕ ПО ШАБЛОНУ

Серия «Рассказы», книга 2

https://litres.ru/74895822
SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если дети ведут себя «неправильно»? Ответ прост: учиться у них. Сборник рассказов «Не по шаблону» — это личный дневник родителя, который наблюдал за своей дочерью и сыном и обнаружил, что самые важные уроки жизни дети преподают взрослым.

Каждая глава — это история одного поступка, который удивил, заставил задуматься и сломал очередной стереотип. О честности, о смелости быть собой, о взгляде на мир без предрассудков. Эта книга согреет и подарит веру в то, что искренность всегда сильнее любых правил.

Содержание

1 5
2 9
3 16
4 20
5 24
6 31
7 40
Терминатор в юбке 40
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Ника Светлова
Сборник рассказов
НЕ ПО ШАБЛОНУ

1

Моя доченька была весёлой девчушкой пяти лет. Большие зелёные глаза, светлые косички и веснушки на носике, которые рассыпались, как мелкое золото, стоило ей хитро улыбнуться.

И вот однажды, размазывая по тарелке манную кашу, которую она «обожает, но не ест», она спросила:

— Мама, а я тебе родная?

Я насторожилась. В голове пронеслись панические мысли: «Почему такой вопрос? Неужели не чувствует моей любви? Неужели не видит, как я горжусь её рисунками, где все люди похожи на осьминогов с пуговицами вместо глаз?»

Но она, не дождавшись ответа, продолжала гнуть своё:

— Ну скажи честно, я тебе родная?

— Доченька, ты самая-самая родная девочка во всём мире и даже в мультиках, — заверила я, пытаясь обнять это вертящееся чудо.

Маленькая непоседа не унималась. Она прищурила хитрые глазки, из которых так и сыпались искорки авантюризма:

— Ну... может, меня родили самые богатые люди в мире? Король с королевой? Или директор цирка? А вы меня просто нашли?

Я посмотрела на неё. В этой маленькой голове уже выстроился трёхэтажный дворец с горкой вместо лестницы, полный слуг. А она, разумеется, принцесса, чья святая обязанность — искать шоколадные яйца с сюрпризом по всему миру. Она

уже мысленно командовала: «Эй, вы! Немедленно принесите мне ещё пластилина! И чтобы он сам не засыхал!»

Пора было немного привести мою юную олигархшу в чувство. Я вздохнула с таким видом, будто хранила страшную тайну.

— Нет, доча. На самом деле... я тебе не рассказала твою главную тайну.

Искорки в глазах погасли, сменившись круглыми блюдцами замешательства. Веснушки, мне показалось, даже побледнели от волнения.

— Ка-какую тайну? — прошептала она.

Я наклонилась, понизив голос до конспиративного шёпота:

— Я... тебя купила.

Тишина.

— К-купила? — ахнула она. — Где?!

— В магазине, — невозмутимо ответила я. — В отделе «Юные хулиганки и непоседы». Ты стояла на полке между девочкой, которая вечно теряет носочки, и мальчиком, который коллекционирует жуков в карманах. А на тебе был ценник: «Девочка-фантазёрка. Батарейки в комплект не входят, энергии хватает на восемнадцать часов в сутки. Требует регулярной зарядки в виде печенья и сказок».

Она переваривала информацию. Я видела, как в её голове рушится дворец, а на его месте вырастает обычный магазин с тележками.

— И... и я со скидкой была? — выдавила она, первой осваивая новую, коммерческую реальность.

— О, да! На тебя была огромная распродажа! «Уценённый товар», потому что последняя в партии и немножко с привинченной намертво фантазией. Открутить нельзя.

Она задумалась. Потом лицо озарила догадка.

— Так вот откуда у меня эта штука! — она показала на левую коленку, где красовалась царапинка от вчерашнего падения. — Это же отметка, что меня уже проверили! На складе!

Я расхохоталась, обнимая своё «уценённое сокровище».

— Именно! И гарантия ещё не закончилась. Я имею полное право требовать, чтобы ты меня слушалась, ела кашу и дарила поцелуи. По условиям акции.

Дочка тяжело вздохнула, смирившись с участью аукционного товара.

— Ладно. Но если я покупка, то ты должна со мной играть, раз уж купила! Сейчас мы идём рисовать, а ты будешь подавать фломастеры и хвалить моего розового жирафа. Так положено, да?

— Это пожизненное обслуживание. С правом безлимитного обнимания.

— Ну ладно, — снисходительно разрешила дочка, протягивая мне руку. — Тогда и жирафа хвали особенно громко. Он у меня стеснительный.

2

Моя дочь Марина была музыкальным ребёнком. Не в том смысле, что с пелёнок пела арии или требовала абонемент в

филармонию. Просто когда где-то звучала музыка — в машине, в торговом центре, из соседского окна, — она замирала: бровки приподнимались, голова наклонялась, и весь мир вокруг переставал существовать. Мы с мужем переглядывались с немым вопросом: «Ну, когда уже?» И когда Марине исполнилось шесть, на семейном совете было решено: музыкальная школа.

Вступительные тесты она прошла играючи. Пропела ноты, прохлопала ритм, и седая преподавательница, сняв очки, посмотрела на Марину. Так смотрят на редкую бабочку, случайно залетевшую в окно.

— Музыкальность абсолютная, — сказала она. — Берём.

Марина улыбнулась, словно это было самым естественным делом. Как будто её всегда ждали именно здесь.

Дома мы пили чай с тортом, муж произнёс тост про «будущую великую пианистку», а Марина сидела, поджав под себя ноги, и задумчиво ковыряла вилкой кремовую розочку.

Наступило время первого концерта в музыкальной школе. Посвящение в первоклассники. Актовый зал с бархатными креслами, пахнущий старой мебелью и канифолью. На сцене чёрный рояль — огромный, блестящий, как спящий зверь.

Мы с мужем сидели во втором ряду. Я нервно теребила программку. Муж поправлял галстук, что хранился для особых случаев. Марина сидела с другими новичками в первых рядах. Маленькая, в нарядном платье с пышной юбкой, которое я всю ночь гладила. Бант в волосах сиял белизной. Она

выглядела так, будто всю жизнь ходила на концерты.

Концерт шёл своим чередом. Ученики постарше играли этюды, пьесы. Я старательно хлопала юным музыкантам. Муж иногда клевал носом, но спохватывался.

И тут случилась заминка.

Ведущая — молодая преподавательница в строгом костюме — вышла на сцену и смущённо объявила:

— Дорогие гости, у нас небольшая техническая пауза. Следующий номер не совсем готов. Может быть, пока кто-нибудь из новеньких желает подойти к инструменту? Сыграть что-нибудь? Не бойтесь. Просто знакомство.

Зал затих. Новички переглядывались, вжимались в кресла. Родители нервно улыбались, молясь, чтобы их ребёнок не поднял руку.

И тут поднялась Марина.

Она спокойно встала, будто ничего особенного не происходит. Поправила бант и пошла к сцене через весь зал. Под взглядами сотни человек, не ускоряя шаг и не оглядываясь.

Я вцепилась в локоть мужа.

— Она что, умеет играть? — прошептал он, наклоняясь ко мне.

— Нет, — еле выдавила я. — Мы только поступили. У нас даже инструмента дома нет.

— Тогда... что она собралась делать?

Я не ответила, потому что сама не знала. Мне хотелось провалиться сквозь землю, одновременно вскочить и крик-

нуть: «Марина, вернись!», а ещё почему-то смеяться. Наверное, истерика.

Марина выплыла на сцену. Да, выплыла, другого слова не подобрать. Села за рояль, поправила юбку, положила пальцы на клавиши. Поморщилась и подвинула стул, будто ей мешало что-то серьёзнее, чем стул.

Зал замер. Преподаватели в первом ряду одобрительно закивали, мол, какая смелая. Ведущая сделала шаг назад, на лице ободряющая улыбка.

Марина подняла руки красиво, с замахом, как настоящие пианисты.

И опустила их на клавиши.

Раздался звук. Нет, не музыка. Это был звук, который издаёт рояль, если нажать на все клавиши сразу и без всякого смысла. Хаос. Какофония. Будто кто-то уронил ящик с инструментами, а сверху прокатился грузовик.

Марина нажимала всё подряд — белые, чёрные, крайние, центральные. И делала это с таким выражением лица, будто исполняла Второй концерт Рахманинова. Глаза полузакрыты, голова покачивается, на губах загадочная полуулыбка. То наклонялась к клавишам так низко, что бант касался пюпитра, то откидывалась назад, словно пережидая особенно драматичный аккорд.

Зал обомлел.

В полной тишине раздавался этот невообразимый грохот, и вместе с ним тихое, ритмичное поскрипывание педали, ко-

торую Марина нажимала с особым усердием. Казалось, прошла вечность. На самом деле не больше минуты.

Я смотрела на мужа. Он сидел с открытым ртом. Потом закрыл. Потом снова открыл. И вдруг — я это видела чётко — уголки его губ начали подрагивать. Он сдерживал смех изо всех сил, но глаза уже блестели, и плечи тряслись.

— Не смей, — прошипела я. — Не смей, слышишь?

Но он уже не слышал. Он закрыл лицо руками, и его затрясло.

Преподаватели в первом ряду окаменели. Седая женщина из приёмной комиссии снова сняла очки, и на этот раз в её глазах не было умиления. Там было что-то среднее между ужасом и... восторгом? Я не разобрала.

Ведущая стояла, прижав руки к груди, как перед явлением чуда. Кажется, она забыла, что она ведущая.

Марина взяла финальный аккорд, особенно мощный, из десяти клавиш сразу, и замерла.

Пауза.

Она медленно опустила руки на колени. Открыла глаза, будто возвращаясь из другого мира. Встала. Одернула юбку. И поклонилась — изящно, с достоинством.

И в этот момент зал взорвался.

Хлопали все. Хлопали родители, вытирая слёзы от смеха. Хлопали старшие ученики, оценившие перформанс. Громче всех хлопал муж, с каким-то отчаянным восторгом, уже не скрываясь, уже взахлёб. Хлопала даже седая преподаватель-

ница — медленно, задумчиво, словно увидела нечто, выходящее за рамки инструкции.

Марина спустилась со сцены и подошла к нам. Щёки слегка порозовели, но в целом невозмутима.

— Ну вот, мама, — сказала она, садясь рядом и вновь поправляя бант, — ничего сложного. Могу научить.

Я посмотрела на мужа. Он всё ещё вытирал глаза.

— Чему научить? — уточнила я осторожно. — Играть или... вот этому вот?

Марина задумалась.

— И тому, и другому. Но сначала, как правильно садиться. Потому что у них тут стул неудобный. А от стула, мама, зависит всё. Даже музыка.

— А как же твой... ну, абсолютный слух? — не сдавалась я.

Марина посмотрела на меня с лёгким сочувствием.

— Мам. Я слышала, что играют другие. Скучно же. Абсолютный слух нужен, чтобы попадать в ноты, когда хочешь попадать. А я не хотела. Я хотела, чтобы всем было весело. Или ты не слышала, как они хлопали?

Я хотела что-то возразить про сольфеджио, про технику, про то, что игра на фортепиано это всё-таки чуть больше, чем нажимать клавиши подряд, но тут к нам подошла та самая седая преподавательница. Марина как раз допивала сок из бумажного стаканчика.

— Техника — ноль, — сказала она, глядя на Марину по-

верх очков. — Но чувство зала великолепное. Будем работать.

Марина кивнула так серьёзно, будто ей только что вручили диплом.

Вечером дома мы смотрели запись. Кто-то из родителей снял на телефон и скинул в общий чат. Марина сидела на диване, пила какао и комментировала:

— Вот здесь я чуть-чуть недожала левую руку. Слышишь, мам? Звук жидковат. В следующий раз буду смелее.

Я не знала, плакать мне или смеяться, поэтому делала и то, и другое.

— У меня бы так никогда не получилось, — сказал вдруг муж, глядя в экран.

— Потому что играть ноты, — объяснила Марина, — мало. Их надо играть так, чтобы люди обомлели. Музыка — это спектакль.

Она сказала это и поправила бант привычным, отработанным движением, будто уже вышла на сцену.

На семейном совете единогласно было принято решение: срочно покупаем пианино и записываемся в кружок по актёрскому мастерству.

Так у нас в доме появился инструмент. И новый, совершенно неожиданный поворот в музыкальной карьере моей дочери — человека, который родился не просто с абсолютным слухом, а с абсолютным чутьём на зрителя.

3

Мой сын рос очень смышлёным мальчиком. Голубые глаза, очаровательная улыбка, а главное, невероятное желание

познать мир. Он был похож на маленького учёного, с рождения заглядывавшего в суть вещей.

Мультики про Фиксиков, раскрывающие, как и из чего состоит мир, были его любимыми. Особенно его заинтересовала кровеносная система. Тема сложная, но этот вундеркинд быстро освоил, что есть разные клетки крови и у каждой своя функция. Он удивлял познаниями взрослых, приходивших в гости, и был гордостью семьи.

Когда сын поступил в первый класс, все ученики должны были пройти психологический тест. Простой, усреднённый, готовиться не нужно. Задание: нарисовать человека. Баллы ставились за детали: реснички, брови, пальчики, ноготки и чем больше деталей, тем лучше. Сын сдал тест и был очень доволен рисунком.

Когда мы получили результат… шок. Ноль баллов.

— Может, ошибка? — спросила я у классной руководительницы, стараясь говорить спокойно.

— Нет, Анна Сергеевна, здесь нет ошибки. Посмотрите на рисунок.

Она протянула лист, и я сразу всё поняла. На бумаге был изображён человек, но не привычный «колобок» с ручками-палочками. Мой сын нарисовал человека изнутри. Сложная схематичная фигура, напоминавшая анатомический атлас. Внутри контура большое сердце, от которого расходились красные и синие линии сосудов. В грудной клетке были лёгкие, похожие на два дерева. На месте живота нечто, отда-

лённо напоминавшее желудок и кишечник.

— Видите, — тихо сказала учительница, — методика оценивает внешние признаки: брови, ресницы, одежду. Здесь же внутренние органы. Это выходит за рамки критериев.

Я уже собиралась что-то сказать, как взгляд упал на деталь, которую я не сразу заметила.На лбу у нарисованного человека, над двумя обычными глазами без ресниц, был аккуратно выведен третий глаз.

— А это что? — не удержалась я.

Учительница развела руками:

— Это не по заданию. Возможно, фантазия. Но по методике тоже не считается.

Мне стало смешно и горько одновременно.

— Он просто не понял задание, — мягко заключила педагог.

— Он понял его глубже, — поправила я, глядя на рисунок.

Вечером я показала рисунок сыну.

— Ник, а почему ты нарисовал человека так?

Он посмотрел на меня ясными глазами и серьёзно ответил:

— Потому что человек — самое интересное, что есть в мире. И самое интересное в нём — это как он устроен. Я хотел нарисовать главное. Разве не за это ставят баллы?

Я обняла своего первооткрывателя, который видел мир без обложек.

— За это и ставят самые главные баллы. А тесты... они до

такого просто не додумываются.

Я указала пальцем на третий глаз.

— А это что?

Малыш посмотрел на меня строгим, почти возмущённым взглядом, полным недоумения, дескать, как можно не понимать таких простых вещей.

— Ты что, не видишь? Это же фагоцит.

В комнате повисла тишина. Я вспомнила: фагоциты — клетки-защитники, поглощающие бактерии. Они «смотрят» за порядком в организме.

— Он же стоит на страже, — продолжал сын, смягчившись. — Как солдат. Должен всё видеть. Поэтому три глаза. Два спереди, а один, чтобы смотреть внутрь, где враги.

Все мои сомнения и даже лёгкая обида за ноль баллов растворились в чистом восторге. Мой ребёнок не скопировал картинку из энциклопедии. Он её осмыслил, достроил, наделил логикой.

— Конечно, фагоцит, — прошептала я. — Как я сразу не догадалась.

Мы не стали оспаривать тот ноль. Рисунок с трёхглазым фагоцитом занял почётное место в альбоме, как напоминание, что настоящие открытия начинаются там, где заканчиваются шаблонные критерии. И что где-то в методичках для психологов до сих пор нет графы для этого.

4

Родительское собрание в пятницу вечером. Кто это придумал, не знаю, но точно не родители.

Мой шестиклассник — нормальный парень. Ну, балуется иногда. В двенадцать лет либо балуешься, либо уже готовишься в монастырь. Шла я туда с чувством обречённости, как к стоматологу без наркоза. Только дольше.

Опоздала. Влетела в класс, родители уже сидят, все в телефонах, с видом, будто их тут нет. Свободное место одно, первая парта второго ряда, прямо перед учительским столом. Ну конечно, остальные забились в глубь класса. Партизаны, блин.

Села. Рядом чей-то папа. Мужик лет сорока пяти, вид такой, будто его сюда привели под конвоем, а выкуп платить никто не собирается. Смотрел в окно, там летали птицы.

Анастасия Игоревна начала. Полчаса рассказывала, какие у нас безответственные дети. Тетради не сдают, хамят, старших не уважают. Мы кивали. Потом она перешла к главному.

— И я уже молчу, — сказала шёпотом, — про аптечные резинки. Про то, как они ими пуляются на уроках. Это не баловство. Это беспредел. У меня есть образец.

И положила на парту обычную, аптечную резинку, только что изъятую у какого-то стрелка. Резинка лежала, как вещдок. Вот зачем это надо было делать?

Сосед мой взял её в руки. Для чего не знаю. Покрутил, натянул на палец. У меня в голове что-то щёлкнуло. Я посмотрела на эту резинку, на его пальцы, и мне вдруг стало жизненно необходимо её забрать. Не спрашивайте, сама не знаю. Наверное, стресс.

Я потянулась. Он отдёрнул руку. Я потянулась сильнее. Он натянул. Я молча схватила другой конец. И тяну, как дура, честное слово.

— Отдайте, — шиплю.

— Не отдам.

Резинка выскользнула, слетела с пальца, описала дугу и с нежным «шлёп» приземлилась Анастасии Игоревне на шею, аккурат на кружевной воротничок.

Тишина. Такая, что было слышно, как у кого-то в углу скрипнул стул. Учительница замерла, медленно подняла руку, сняла резинку. Посмотрела на неё. Потом на нас. Глаза сузились.

Сосед мой, не меняя лица, шепнул одними губами:

— Валим.

И что вы думаете… мы свалили.

Бежали по коридору, как два идиота. У меня сумка била по бедру, у него развязался шнурок. Шаги гулко отдавались в пустой школе. Сзади, из класса, родители начали ржать так, что стены задрожали. Вслед нам:

— Бегите! Мы скажем, что вы заболели! И рюкзаки свои заберите!

Вылетела из школы. Стою на улице, дышу. Сосед мой рядом, согнулся пополам, хохочет, остановиться не может.

— Вы... видели... её лицо? — простонал он.

— Видела. Кажется, я заработала второе собрание. И вы тоже.

Разошлись в разные стороны.

Домой вернулась рано. Налила кофе, села. Сижу, думаю: «Что это вообще было».

Внизу хлопнула дверь. Сын пришёл, довольный.

— Привет, мам! Ну как собрание?

Я глотнула кофе. Посмотрела на него.

— Нормально. Думаю, за резинки тебя больше ругать не будут.

Сын поднял брови, пожал плечами, ушёл к себе.

А мне уже даже интересно стало, что на следующем собрании будет.

5

Сообщение от Анастасии Игоревны: «Срочно родительское собрание. Сегодня, 18:00. Явка обязательна».

Отправила и ни слова больше. Ни темы, ни причины. Только время и «Явка обязательна» жирным шрифтом.

Я перечитала. Потом ещё раз. Потом позвонила сыну, он не взял. Написала: «Что случилось?» — прочитано, молчит. Через десять минут ответил: «Ничего».

«Ничего» в исполнении моего сына означает примерно три варианта: либо он что-то разбил, либо кого-то стукнул, либо, что хуже всего, он ни при чём, но знает, кто при чём, и молчит, как партизан.

В чате «6"Б" родители» уже кипело.

Ольга Петрова: А что случилось-то?##

Марина (мама Вики): Ничего не понимаю. Моя говорит «не знает».

Дмитрий (папа Артёма): Мой тоже «не знает». У всех «не знают». Подозрительно.##

Сергей: Подозрительно, это мягко сказано.

Я уставилась на сообщение. Тот самый Сергей с прошлого собрания. Сосед по парте моего сына, точнее, его отец.

Вечером я вошла в класс и сразу увидела его. Сидел на том же месте, на первой парте второго ряда, с видом человека, который уже всё знает, но пока молчит.

Я села рядом.

— Здравствуйте, — говорю.

— Здравствуйте, — говорит. — Держимся вместе?

— Держимся.

Анастасия Игоревна вошла, увидела нас, и лицо у неё сде-

лалось такое, будто она откусила лимон.

— Начнём с дисциплины, — говорит. — Точнее, с её отсутствия.

И высыпала на стол двадцать три резинки.

— Вот. Результат двух недель рейда. Двадцать три!

Сергей тихо:

— Это «Банк резинок». Мы вкладываем.

Я пнула его под партой. Он замолчал.

— Родители тех, кто пуляется, проведут с детьми беседу. Письменно. С подписью.

По классу стон. Родители заёрзали.

Сергей поднял руку.

— А можно вопрос? Может, лучше турнир?

Учительница заморгала.

— Что?

— Дети пуляются, потому что им скучно. Давайте официально. Как полагается, в спортзале с мишенями. Кто дальше и точнее. И тогда на уроках ставим правило: не пуляться. Зачем баловаться на уроке, если есть секция?

Тихо. Потом сзади:

— А что, идея.

Учительница на миг остолбенела. Придя в себя, она произнесла:

— Вы предлагаете... узаконить беспредел?

— Я предлагаю его возглавить, — говорит Сергей каменным лицом.

Я уткнулась в ладони. Хотелось смеяться, но страх перед Анастасией Игоревной не давал.

Я усмехнулась одной стороной рта.

— Хорошо. Турнир в следующую пятницу. В шесть. С детьми. И если кто-то за неделю хоть раз пульнёт на уроке — турнир отменяется. Ясно?

Класс хором: «Ясно». Сергей шепчет мне:

— Она приняла вызов.

Вечером телефон завибрировал. Чат «6"Б" родители» — сорок семь непрочитанных.

Ольга Петрова: Добрый вечер, а что вообще произошло на собрании? Я не всё поняла.###

Марина (мама Вики): Про резинки. Двадцать три штуки. Анастасия Игоревна сказала, что это организованная преступная группировка.

Ольга Петрова: Какая группировка? Им по одиннадцать-двенадцать лет!###

Дмитрий (папа Артёма): Ага, а мой сказал, что он вообще не пулялся. Просто «держал». Типа он охранник резинок.

Марина (мама Вики): Моя тоже «просто держала». У всех «просто держали». Двадцать три резинки сами себя, что ли, натягивали?

Сергей: Предлагаю не искать виноватых. В пятницу турнир. Кто хочет, приходите болеть.

Ольга Петрова: Какой турнир???##

Сергей: По стрельбе резинками. Официально. В спортза-

ле. С мишенями.

Пауза. Две минуты тишины.

Дмитрий (папа Артёма): Сергей, вы серьёзно?

Сергей: Абсолютно. Дети всё равно пуляются. Пусть делают это по правилам.#

Ольга Петрова: А Анастасия Игоревна в курсе?

Сергей: Она и предложила. Ну, то есть я предложил, а она согласилась. С условием, если за неделю хоть один выстрел на уроке, то турнир отменяется.

Ещё пауза.

Марина (мама Вики): А мой сын записался. Сказал, что будет тренироваться. Впервые за год я вижу, как он делает что-то с энтузиазмом, кроме видеоигр.##

Дмитрий (папа Артёма): Мой тоже. Вчера полчаса натягивал резинку на палец. Говорит, «тренирую точность». Я не знал, что сказать.

Ольга Петрова: Ладно. Я приду. Но если это афера, я лично приду к Сергею!

Сергей: Приходите. Чай будет.

Марина (мама Вики): А можно я печенье принесу?

Сергей: Можно. Но не резиновое.

######

Три смеющихся смайлика. Один от Ольги Петровой. Два от Дмитрия.

На следующий день в чате появилось новое сообщение:

Анастасия Игоревна: Добрый день, уважаемые родители.

Напоминаю: турнир в пятницу, в 18:00, спортзал. Форма — спортивная. Настроение — боевое. Резинки — свои. С уважением, А.И.

Двадцать три лайка.

Всю неделю сын докладывал: «Сегодня никто не пулялся. Даже Витька из 6"Б", его предупредили». Резинки прятали в носках и пеналах, но не трогали.

В пятницу пришли в спортзал. Мишени из картона, нарисованные на ватмане. Учительница в спортивном костюме. Рядом физрук с секундомером и видом человека, которого втянули в аферу, но он уже смирился.

Дети построились. Двадцать три резинки на столе.

— Три попытки, — объявляет она. — Дальше всех и точнее всех. Победитель получает коробку резинок. И неделю без домашнего задания по моему предмету.

Класс ахнул. Сергей рядом:

— Она гений. Я в неё влюбляюсь.

— Тихо вы.

Первым вышел его сын. Долговязый, весь в отца. Натянул, отпустил. Мимо. Второй раз ближе. Третий в мишень. Класс заорал.

Потом мой. Подошёл к черте, посмотрел на меня, подмигнул. Выстрелил. Точно в центр.

Я зааплодировала. Оглянулась. Анастасия Игоревна смотрела на меня. И подняла большой палец.

Сергей наклонился:

— Самое страшное, я теперь понимаю, зачем она коробку на стол поставила. Это была ловушка. Она знала, что мы придём. И знала, что мы что-нибудь придумаем. Она нас переиграла.

— Или мы её, — говорю. — Турнир-то мы предложили.

— Ничья, — согласился он.

Выиграл его сын. Мой пришёл третьим. Домой шли вчетвером. Ржали всю дорогу.

На следующем собрании она объявила, что открывает кружок «Точный выстрел». По пятницам, после уроков. Добровольно.

Записались все, даже Витька из 6«Б».

С тех пор на уроках никто не пуляется.

Только на переменах. Но это уже другая история.

6

Мой сын Никита был смышлёным малышом, но часто бо-

лел. Худенький, слабый, таким его хотелось беречь от малейшего ветра. Бледная кожа, голубоватые жилки на висках, большие глаза, которым худоба добавляла глубины, всё это не вызывало желания вести его в секции. Его хотелось укутать в плед, бесконечно читать книжки и варить какао с зефирками.

Мы с мужем строили его будущее в тихих тонах: шахматы, музыка, программирование. Что-то, где важны ум и усидчивость. Поэтому, когда за ужином восьмилетний Никита заявил:

— Я хочу играть в футбол. Запишите меня в секцию, — муж поперхнулся чаем, а я замерла с ложкой в руке.

— Солнышко, ты же устаёшь после школы, — осторожно начала я. — Футбол — это тяжело.

— Да какой ты футболист, — мягко добавил муж. — Ты у нас мыслитель, стратег.

Никита не спорил. Он просто спокойно смотрел на нас. И я впервые заметила, как этот взгляд не сочетается с его худыми плечами. Он доел суп, вытер губы и ушёл в комнату. Мы с мужем переглянулись с облегчением, думали, пронесло.

Я поняла, что это серьёзно, через три дня.

Вернулась с работы раньше. В квартире тихо. Прошла на кухню — бутерброд не доеден, рюкзак брошен у порога. Сердце кольнуло. И тут я услышала глухие удары со стороны двора.

Я выглянула в окно.

Он стоял в старой растянутой футболке на пустыре за гаражами. Один. Напротив кирпичной стены. И бил мячом. Делал он это методично. Отходил на ровное расстояние, катил мяч — удар. Мяч отскакивал. Он ловил его, ставил, снова бил. Потом начал бить под углом, чтобы мяч уходил в сторону и его нужно было догнать. Это не было игрой. Это было исследование. Его тонкие ноги сбивались, мяч улетал в кусты, он лез за ним, возвращался и начинал заново.

Я смотрела на него из-за занавески и не узнавала. Мой сын, который боялся ветра, просидевший дома две недели с бронхитом, он стоял на ледяном октябрьском пустыре и убивался об эту стену, пока пальцы не посинели.

Он не видел никого. Он был занят чем-то гораздо более важным.

Вечером муж спросил:

— Ну что, выкинул дурь из головы?

— Нет.

— Сын, послушай. В футболе нужны силы. Где ты их возьмёшь? Тебя сломают в первый месяц.

Никита положил вилку.

— Пап, а ты веришь, что я умею думать?

Муж замер.

— Умеешь.

— Вот пусть я буду думать. А бегать я научусь.

Это было сказано так по-взрослому, что муж не нашёлся. Он посмотрел на меня. Я пожала плечами, внутри кипела

паника, но возразить было нечего. Мы всегда хвалили его голову. А теперь голова потребовала права на то, что не входило в наш сценарий, и мы просто струсили.

Муж вздохнул.

— Месяц. Один месяц. Если тренер скажет «нет» — значит, нет.

Никита кивнул и улыбнулся. Я знала эту улыбку, она появлялась у него, только когда он чувствовал себя в безопасности.

Странно, он чувствовал себя в безопасности перед кирпичной стеной. А не под пледом.

Картинка, которая его зацепила, была старой и зернистой. Финал какого-то давнего чемпионата. Игрок в красно-чёрной форме, в грязи, с разбитой бровью, получал пас у своих ворот. Давка, крики, хаос. Он поднял голову на секунду и одним касанием, мягко и точно, вывел мяч на свободного человека за тридцать метров. Тот забил. Тренер на трибуне, суровый, не улыбающийся, схватился за голову и показал тому, разбитому, большой палец.

Внутри Никиты что-то щёлкнуло. Он не подумал: «Хочу быть как он». Он подумал: «Это как шахматы. Но телом. И быстрее. И настоящие люди».

Потом он искал именно такие моменты. Вбивал в поиск «гениальные пасы», «футбольный интеллект». И совершил открытие: у того итальянца есть последователи — игроки,

для которых главное не скорость, а видение поля. Невысокий аргентинец, творивший чудеса на скорости. Другой — мощный, взрывной. Но и тут Никита углядел свою логику: каждая пробежка без мяча — просчитанный маршрут, чтобы увести защитника; каждый дальний удар — холодный расчёт, а не бравада.

Постеры на стене появились не как изображения идолов. Они стали схемами. Он смотрел матчи с блокнотом, знал составы наизусть. Его слабенькое тельце было обманчивой упаковкой для нового, сосредоточенного духа.

День первой тренировки стал для меня пыткой.

Я привела его на стадион ДЮСШ. Ник в новых, слишком широких бутсах держал мяч как святыню. Его тонкие ноги казались тростинками среди румяных мальчишек, многие из которых были на голову выше.

Тренер Сергей Петрович — коренастый, седой, с усталыми глазами — глянул на Ника мельком и мысленно отнёс к «маминым фантазиям». Худой, бледный, форма висит. Ещё один, отходит три тренировки и исчезнет.

— Раз пришёл, вставай в строй.

Я ушла за ограждение. Сердце колотилось в горле.

Тренер вёл разминку, краем глаза отмечая: новенький пыхтит на заднем ряду. Движения точные, но без мощности. «Бумажный, — констатировал он про себя. — Не футбольный мальчик».

Но когда начались упражнения с мячом, что-то щёлкнуло.

В этом возрасте он привык видеть две крайности: либо жадный напор, либо робкое отступление. Никита не вписывался никуда. Мяч принимал неловко, но перед передачей замирал на долю секунды, и его взгляд молниеносно пробегал по полю, сканируя не просто игроков, а траектории, пустые зоны.

В упражнении «двойки» тренер поставил его с самым резвым Данькой. Данька носился как угорелый, а Никита, едва поспевая, отдавал пасы не в ноги — на ход, в свободное пространство, куда партнёру удобнее выбежать.

«Случайность? Сейчас проверим».

На следующем упражнении он бросил Ника в схему 3×3. Мальчик получал мяч под давлением и каждый раз находил того, кто открылся лучше всех. Не того, кто громче кричал. А того, кто был в опасной позиции.

Сергей Петрович почесал затылок. За двадцать лет он видел такое раза три.

В какой-то момент Никита упал. Мяч ударил по подъёму глухо и странно, он запнулся и растянулся на поле. Колено загорелось, к глазам подступили слёзы. Но потом он увидел открывшегося партнёра и забыл про боль. Сделал обманное движение и в последний момент, почти не глядя, катнул мяч Даньке под свободную ногу. Расчёт. Холодный, почти взрослый расчёт в глазах восьмилетнего мальчика.

Тренер перестал жевать зубочистку.

Главное открытие ждало в конце.

Кроссовый бег. Две стометровки.

Никита отстал сразу. Лицо побелело, губы посинели, дыхание с хрипом. Он бежал последним, даже не бежал, переставлял ноги, захлёбываясь воздухом. Я рванулась к калитке, чтобы прекратить этот кошмар.

Но потом я увидела его лицо.

Там не было мольбы. Не было покорности. Там горел упрямый, совершенно недетский огонь. Он не искал жалости ни у меня, ни у тренера, ни у пацанов, обгонявших его на круг. Он смотрел вперёд. На спины убегающих. И в этом взгляде я прочитала то, от чего перехватило дыхание: он не сравнивал себя с ними. Он вёл войну с собственным телом и приказывал ему не сдаваться.

Я не отрываясь следила за ним.. Слёзы подступили, но это не была жалость. Удивление? Гордость? Стыд за то, что я всю жизнь пыталась защитить его от того, к чему он оказался готов лучше меня?

Тренировка кончилась. Ник стоял, согнувшись, упираясь руками в колени, дышал тяжело и хрипло. Грязный, с разбитым локтем, которого даже не заметил.

Сергей Петрович подошёл. Молчал долго.

— Мальчик, — сказал он наконец. — Бегаешь ты хуже всех.

Ник не поднял головы.

— Но видишь поле ты лучше всех. Голова работает. Хо-

чешь попробовать? Только готовься: тебе придётся бороться в три раза больше, чем им. Ты не быстрее, ты слабее, ты болеешь чаще. Но если башка будет работать на три шага вперёд — шанс есть. Один из ста. Хочешь?

Никита поднял голову.

Грязный, мокрый, с посиневшими губами. Но в глазах — спокойное, глубокое, почти взрослое решение. Он не улыбнулся. Просто кивнул. Один раз. Твёрдо.

И пошёл собирать мячи.

Тренер посмотрел ему вслед, покачал головой то ли с сомнением, то ли с уважением. И усмехнулся.

В тот вечер Ник заснул, не дождавшись ужина. Прямо в кресле, в тренировочных штанах, сжимая мяч в руке. Грязный, с запёкшейся кровью на локте. Я осторожно разула его, накрыла пледом. Муж стоял в дверях и смотрел.

— Я думал, он сломается, — тихо сказал он. — Если честно, надеялся. Чтобы не мучился.

— Я тоже.

— А он не сломался. — Муж потёр лицо. — Он смотрел на этих здоровых пацанов, которые его обгоняли, и знаешь... я не видел страха. Я видел, как он их сканирует. Как запоминает. Как будто они не соперники, а задачки.

Я кивнула.

Муж подошёл, сел на корточки перед спящим сыном, долго смотрел.

— Я всю жизнь боялся, что он будет слабаком, — сказал он. — Что его затолкают. И сам толкал его в безопасность. А он хотел не безопасности. Он хотел научиться терпеть боль и не ныть.

— Он хотел играть, — поправила я. — По-настоящему.

— Да. По-настоящему. — Муж сказал это нежно. Почти с завистью.

Я сидела рядом, гладила влажные волосы сына.

В тот день он не стал футболистом. В тот день он стал человеком, который знает, куда хочет бежать. Даже если ветер в лицо. Даже если ноги не слушаются.

Особенно когда ноги не слушаются.

7

Терминатор в юбке

Младший брат сидел в телефоне и смотрел видосики про футбол. На экране кто-то забил красивым ударом через себя, потом кто-то упал, схватившись за ногу, а судья не дал пенальти. Потом вратарь поскользнулся на ровном месте и пропустил смешной гол. Мяч медленно вкатился в ворота, как колобок в финале сказки. Брат хмыкнул. Ему нравились такие моменты, когда большой дядька в перчатках выглядит глупо. В свои девять лет брат ещё не определился, хочет ли он быть нападающим или просто человеком, который ест чипсы и комментирует. Пока склонялся ко второму.

В комнату вошла сестра. Не просто вошла, она выплыла. Спина прямая, подбородок вздёрнут, руки скрещены на груди, как учили в каком-то фильме про сильных женщин. Фильм она смотрела на прошлых выходных и с тех пор практиковалась. Получалось внушительно.

— Слушай сюда, — сказала она ледяным голосом. — Хватит ныть из-за каждой ерунды.

Брат поставил видео на паузу. Вратарь застыл, раскинув ноги в шпагате, которого не планировал.

— Я не ною.

— Ты вчера рыдал, потому что в мультике панда упала с дерева.

— Она ударилась головой! Там был звук «бдыщ»!

— Это мультик, — сестра произнесла это так, будто открыла закон физики. — Панды в мультиках не умирают. А

ты ревел. В девять лет — это уже неприлично. Пора становиться железной кнопкой.

Брат оторвался от телефона. Кнопкой он быть не хотел, кнопки маленькие, их теряют под диваном, и никто не ищет. Но сестра выглядела убедительно. Она стояла в лучах заходящего солнца, и тени от её ресниц падали на щёки, как занавес перед важным спектаклем. Спорить с ней было бесполезно, она всё равно переспорит, а потом ещё и обидится. А обиженная сестра была громче обычной.

— Железная кнопка, — продолжила она, — не плачет и не смеётся без повода. Ей всё равно, что происходит вокруг. Понял?

— А если наши проиграют? — брат кивнул на телефон.

— Кнопке плевать на футбол. Футбол — это двадцать два миллионера пинают надутый мешок. Кнопка выше этого.

— А если вратарю по лицу мячом?

— Кнопка не жалеет вратарей. У неё внутри холод. Вечная мерзлота. Ты хоть знаешь, что такое вечная мерзлота?

Брат не знал и переспрашивать не стал.

— Это как в морозилке, — пояснила сестра, — только больше. Намного.

— А если свет отключат, она растает?

— Кнопка не растает. Кнопка — это не мороженое.

Брат кивнул. Логика была железной, как сама кнопка. Он уже понимал, что некоторые вещи лучше не оспаривать, особенно когда сестра стоит в позе из фильма.

— Ладно. А ты сама кнопка?

Сестра выдержала паузу. Она умела, научилась в том же фильме. Поэтому сестра просто смотрела в одну точку над головой брата и считала про себя до пяти — держала паузу.

— Я? — произнесла она на счёте «четыре». — Я вообще терминатор. Только в юбке.

Брат уважительно покивал. Про терминатор он слышал от старших пацанов во дворе, те говорили, что это железный дядька, который не тонет, не горит и не говорит «ой». Сестра подходила под описание, особенно про «ой». Она действительно никогда не говорила «ой». Она говорила «отлично», даже когда проливала чай на клавиатуру.

— Терминаторы не плачут? — уточнил брат.

— Терминаторы вообще не имеют слёзных желёз. Это научный факт.

Откуда у сестры научные факты, брат не знал. Возможно, из интернета, она там часто сидела, хмурила брови и говорила «всё ясно». Потом закрывала ноутбук и шла пить чай с видом человека, разгадавшего тайну пирамид.

В этот момент из кухни вышла мама с кружкой остывшего чая. Она только что закончила разговор с подругой и напрочь забыла про чай. Мама пребывала в задумчивости, а это означало, что она сейчас скажет что-то, что ей самой кажется незначительным, а на деле вызовет цунами.

— Ой, — сказала мама, заглядывая в комнату. — Я тут вспомнила. Мы же на этих выходных на дачу едем. К тёте

Вере. Ты в прошлом году клубнику ела и говорила, что никогда такой вкусной не пробовала.

— Допустим. И что?

— Да ничего. Просто я полезла в кладовку за чемоданом и знаешь, что нашла? Твой старый рюкзак. Помнишь, с котиком? Смешной такой, фиолетовый, одно ухо криво пришито. Ты с ним в первый класс пошла, а потом ещё три года таскала. Говорила, что талисман. Ты ему даже имя дала.

Повисла пауза. Брат перевёл взгляд с мамы на сестру и обратно.

— Котика, — произнесла сестра шёпотом.

Голос сел, из ледяного превратился в сиплый, будто радио ловит помехи.

— Ну да, Котика. Ты его так и назвала — Котик. С большой буквы, требовала. Я его в кладовке нашла, за коробкой с зимними шапками. Сохранность отличная, только ухо немножко...

— Котику-у-у!!!

Из глаз сестры хлынули слёзы. Не покатились, именно хлынули, как вода из прорванной трубы. Она закрыла лицо ладонями, плечи затряслись, и из-под пальцев потекло. Тушь, которую она полчаса наводила перед зеркалом, теперь жила своей жизнью, двумя чёрными дорожками вниз по щекам.

— У него ухо криво пришито! — рыдала сестра. — А я сама пришивала! Сама! Иголку первый раз в жизни держала!

Криво получилось, но он всё равно меня любил! Я с ним на все контрольные ходила! Он мне пятёрки приносил!

Мама замерла в дверях с открытым ртом. Сделала глоток холодного чая и перевела взгляд с рыдающей дочери на сына:

— Я что-то не то сказала?

Брат пожал плечами:

— Терминатор сломался.

— Я не сломалась! — взвыла сестра. — Это не считается! Это Котик! Он лежал в тёмной кладовке шесть лет среди зимних шапок! А я его забыла! Предала!

Слёзы перешли в громкую икоту, как у маленькой собачки, совершенно не вязавшуюся с образом айсберга.

— Я немедленно должна его забрать! Где рюкзак? Ты его выбросила? Только честно!

— Да в прихожей, — растерянно сказала мама. — Я его постирать хотела...

Сестра вылетела из комнаты быстрее, чем брат до этого переключал видео. В прихожей послышался шорох, щелчок молнии, тишина и следом новый поток рыданий, теперь приглушённый, потому что сестра зарылась лицом в фиолетового Котика.

Брат выждал минуту. Посмотрел на маму, всё ещё стоявшую в дверях с кружкой. Посмотрел на телефон, где на паузе застыл вратарь в шпагате.

— Я пойду проверю.

В прихожей сестра сидела на пуфике, прижимая к груди

рюкзак с кривым кошачьим ухом. Слёзы ещё текли, но уже тихо, как дождь после грозы.

— Ты же кнопка, — напомнил брат, прислонившись к косяку. — Кнопки не плачут.

— Отстань! Ты ничего не понимаешь! Ты вообще мелкий! Что ты понимаешь в верности и дружбе?!

Брат скрестил руки на груди, точно как сестра учила. Подумал. Он уже умел думать перед тем, как сказать.

— Я понимаю, — сказал он медленно, — что железная кнопка — это когда ревёшь, но говоришь, что не ревёшь. Так?

Сестра шмыгнула носом. Подняла заплаканные глаза и вдруг фыркнула. Смех пробился сквозь слёзы, как солнце сквозь тучи.

— Именно, — произнесла она, пытаясь вернуть ледяной голос. Получилось не очень. — Ты схватываешь на лету.

Брат кивнул и вернулся в комнату. Снял видео с паузы. Вратарь наконец поскользнулся и пропустил гол, мяч медленно вкатился в ворота, как колобок в финале сказки.

Брат даже не улыбнулся.

Почти.

Через неделю брата вызвали к директору.

Вообще-то его никогда не вызывали. Он не любил конфликты. Но теперь он был кнопкой, а кнопки, как выяснилось, тоже иногда отсвечивают. Сегодня что-то пошло не так.

В кабинете уже сидела классная — молодая, взволнованная, с выражением лица «я не знаю, как это объяснить, но сейчас попробую». Рядом стоял физрук — огромный, краснолицый, с недоумением в глазах. Чуть поодаль шмыгал носом третьеклассник Петров, который был на голову выше брата и обычно ходил с видом хозяина жизни. Сегодня хозяин жизни был красный, заплаканный и какой-то примятый. Он шмыгал носом, но украдкой поглядывал на брата с любопытством, будто пытался понять, что за зверь перед ним.

Брат сел на стул. Спина прямая, руки на коленях, сестра бы одобрила.

— Рассказывай, — сказала директор. — Что у вас случилось на физкультуре?

— Ничего особенного. Мы играли в футбол.

— Петров утверждает, что ты его ударил.

— Нет. Он упал сам.

— Он говорит, ты попал ему мячом в лицо.

— Попал. Но это футбол. В футболе мяч иногда попадает в лицо.

Директор вздохнула.

— Ладно, допустим, случайность. Но когда Петров упал и заплакал, ты, по словам учителя, подошёл, посмотрел и сказал... — она заглянула в бумажку. — «Вратарей не жалеют. У кнопки внутри холод».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.